

Труды VI Международного
Конгресса славянской археологии

Том 1

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Труды VI Международного
Конгресса славянской археологии

Том 1

ПРОБЛЕМЫ
СЛАВЯНСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ

Москва 1997

И.В.Дубов

НОВГОРОДСКАЯ И РОСТОВСКАЯ ЗЕМЛИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Данная тема уже давно является одной из важнейших в отечественной исторической науке. Это объясняется прежде всего тем, что судьбы Северо-Западной и Северо-Восточной Руси издревле и на протяжении многих столетий были тесно переплетены. Такое положение имело место и в дославянское время. Хотя по этому вопросу и сказано и написано довольно много, однако целостной и обобщающей работы до сих пор не появилось.

Предлагаемый доклад является попыткой подвести некоторые итоги историографии, охарактеризовать имеющиеся на сегодняшний день источники, фонд которых за последние годы заметно вырос и расширился, включая появление качественно новых их категорий, а также выделить наиболее важные узловые проблемы, без решения которых невозможно понимание исторических процессов, протекавших в данном обширном регионе в эпоху раннего средневековья.

«...Итак, кривичи, кривичи, кривичи — одни и всюду. Они наполняют и свою собственную землю. Они же и заселяют и всю средину России. Удивительная плодовитость! Но куда же делись остальные? — словене новгородские, чудь, весь, меря и другие» [1]. Так писал в начале нашего столетия известный ярославский историк И.А.Тихомиров, оставляя точку зрения, согласно которой славянское заселение одной из важнейших частей будущей Ростовской земли происходило из районов Северо-Запада (затем Новгородской земли), подчеркивая тем самым их органические исторически обусловленные тесные связи. Казалось бы, он только ставил вопрос, однако в нем крылся и ответ, который был детально развернут и обоснован в трудах как самого И.А.Тихомирова, так и ряда других видных историков и археологов.

Важнейшей проблемой, которая волновала и до сих пор занимает внимание ученых, является вопрос о направлении и хронологии славянского заселения Северо-Востока. Здесь главную задачу можно определить как воссоздание достаточно достоверной этнической картины Ростовской земли в IX—XI вв., ибо реконструировав ее, мы сможем существенно продвинуться в понимании исторических процессов, имевших место в лесной полосе Восточной Европы в данное время.

В той или иной степени эта тема нашла свое конкретное отражение в исследованиях В.О.Ключевского, А.А.Шахматова, С.Е.Ешевского, Н.П.Барсова, С.Ф.Платонова, А.И.Соболевского и других.

Полностью под влиянием взглядов перечисленных выше ученых, согласно которым колонизация Северо-Востока на первоначальном эта-

пе осуществлялась из районов Северо-Запада, находились практически все ярославские краеведы — В.Лествицын, К.Д.Головщиков, П.А.Критский, С.Серебrenиков, И.Барщевский, Н.Верховой, И.Троицкий, Ф.Я.Никольский, Э.Н.Берендтс. Лейтмотивом их работ в части, посвященной проблемам освоения Верхнего Поволжья славянами, был вывод о северо-западном (новгородском) направлении и мирной быстрой ассимиляции местного финно-угорского (мерянского) населения.

Однако, все их заключения основывались на скудных письменных сообщениях (русские летописи и арабские источники) и данных филологических (топонимика и гидронимика). Неслучайно С.В.Ешевский и А.И.Соболевский отмечали, что основным инструментом в изучении этого процесса должна являться сравнительная филология. Хотя уже в то время имелись и материалы, полученные в результате археологических раскопок (прежде всего это исследования А.С.Уварова и П.С.Савельева).

Таким образом, в течение нескольких десятилетий в науке существовали почти не связанные между собой исторические труды, основанные главным образом на письменных источниках и данных лингвистики, и наблюдения археологов, базирующиеся на материалах полевых исследований.

Этот этап завершился в самом начале XX столетия, когда увидели свет труды А.А.Спицына, И.А.Тихомирова и других археологов. Тогда А.А.Спицын, опираясь на археологические материалы, пришел к выводу о том, что Верхняя Волга заселялась кривичами, то есть очаг славянской колонизации следует искать на Юго-Западе [2].

Опираясь теми же данными, что и А.А.Спицын (Владимирские курганы), а также результатами собственных раскопок (прежде всего Тимеревский могильник), И.А.Тихомиров пришел к противоположным выводам и поддержал теорию историков и археологов о северо-западном центре заселения, считая главными аргументами в пользу своей точки зрения «удобство речных путей по Шексне и Мологе, близкое соседство мери с весью, веси с Новгородом, прямой контакт со Скандинавией».

Взгляды А.А.Спицына были поддержаны и развиты в работах Н.Н.Овсянникова и Ю.В.Готье. Однако, и тот, и другой не отрицали, что наряду с юго-западной волной колонизации имелось движение и с Северо-Запада, придавая ему второстепенный характер.

Следующий этап историографии имеет хронологические рамки 30—60-е годы нашего столетия и озаглавлен исследованиями таких археологов, как Я.В.Станкевич, Е.И.Горюнова, П.Н.Третьяков. Отчасти они продолжали прежнюю дискуссию. Я.В.Станкевич считала, что «большие» курганы Тимеревского могильника генетически восходят к сопкам [3]. Таким образом, поскольку она безоговорочно связывала данные погребальные сооружения со славянами, а точнее новгородскими, то следует усмотреть в ее заключениях поддержку взглядов о при-

оритете северо-западного направления славянского заселения этого региона, и в частности Ярославского Поволжья.

О сложных в этническом отношении колонизационных потоках писала Е.И.Горюнова, включая в их состав не только славян, но и ослабянившуюся чудь и весь [4]. И хотя она напрямую не рассматривала вопрос о направлениях колонизации (ее больше интересовали проблемы хронологии этого процесса, а также роль и характер участия в формировании древнерусской народности аборигенного финно-угорского племени меря), достаточно взглянуть на ее перечень этносов — славяне, ослабянившаяся чудь и весь, чтобы понять, что речь идет о Северо-Западе.

Наиболее полно анализ проблем славянского заселения Волго-Окского междуречья представлен в трудах П.Н.Третьякова. Взгляды этого автора формировались на протяжении длительного времени и, естественно, проходили некоторую эволюцию.

Первоначально П.Н.Третьяков полностью поддерживал концепцию А.А.Спицына, полагая, что «во второй половине первого тысячелетия н.э. Верхнее Поволжье было окраиной славянских земель. Область племени кривичей в то время охватывала все верхнее течение Днепра, верховья Западной Двины и Валдайскую возвышенность. По Волге поселения кривичей располагались выше устья Мологи, но отдельные поселки спускались значительно ниже, доходя до устья Которосли, около которого позднее возник Ярославль. Здесь область кривичей клином входила в территорию, занятую иноплемениками» [5].

В последующих своих работах П.Н.Третьяков указывает и северо-западное направление славянской колонизации Ярославского Поволжья, хотя основным для него все же оставался юго-западный кривичский очаг. В самых последних своих исследованиях указанный автор формулирует свою позицию следующим образом: «С начала последней четверти I тысячелетия здесь появляются первые памятники, принадлежащие северным (читаем „новгородским“ — И.Д.) древнерусским племенам». Массовое расселение славян в мерянских землях происходило начиная с конца VIII — начала IX в. Причем, на первом этапе, по его мнению, передвижение идет из новгородских земель по крупнейшим водным путям [6]. В полном виде все эти представления изложены в обобщающем исследовании П.Н.Третьякова «У истоков древнерусской народности» [7]. Таким образом, все вышеизложенное говорит в пользу того, что археологические данные, полученные к 60-м гг., полностью подтвердили концепцию северо-западного направления колонизации славянами на раннем этапе (IX — первая половина XI в.) Верхнего Поволжья. А это означает, что в эпоху раннего средневековья формирующиеся Новгородская и Ростовская земли уже имели тесные связи.

Новый этап изучения данной проблематики начался на рубеже 50—60-х гг. Это связано прежде всего с широкомасштабными раскопками Ярославских могильников и публикацией их материалов в фундамен-

тальном коллективном труде московских археологов во главе с М.В.Фехнер [8].

Квинтэссенцией их заключений стал вывод о полиэтничности Ярославских могильников, которые главным образом принадлежат финно-уграм. Однако наряду с ними здесь прослеживаются славянские и скандинавские элементы. В работах М.В.Фехнер, Н.Г.Недошивиной и их коллег четко прослеживается мысль о северо-западном направлении славянской колонизации, которая однако, по их мнению, началась не ранее середины X в. Кроме того они выделяют в качестве ведущего финно-угорского компонента отнюдь не мерю, а весь, продвинувшуюся в этот регион из районов Белоозера в начале X в., входившего, как известно, в состав Новгородской земли, или находившегося под полным влиянием Новгорода. Хотя, на мой взгляд, ближе к истине следует утверждать, что Белозерье было как бы «буферным» районом между Новгородской и Ростовской землями. В работах по исторической географии даются различные границы Ростовской земли, оформившейся как политическое целое только в XI в.

А.Н.Насонов полагал, что ее территория простиралась от Белоозера на северо-западе, захватывала верховья Волги на западе, на севере доходила до Северной Двины и спускалась до Оки на юге [9].

В.А.Кучкин включает в состав Ростовской земли лишь Белозерский край, Угличское и Ярославское течение Волги и собственно Суздальское ополье [10].

Главную связующую роль между Новгородской и Ростовской землями издавна играл Великий Волжский путь, в том числе и в процессах славянского расселения. Так, в трудах Н.П.Барсова, С.К.Кузнецова, С.М.Середонина отмечается его важность для связей Ярославского Поволжья с Северо-Западом.

В исследованиях А.А.Спицына, П.П.Смирнова, Б.А.Рыбакова, В.Б.Вилинбахова, В.Л.Янина, Е.Н.Носова и многих других рассматривается Балтийско-Волжская система в основном в свете дальних торговых связей и практически не уделяется внимания ее роли в формировании Древнерусского государства и народности. Однако ясно, что главной функцией Волги в эпоху раннего средневековья было использование в качестве пути освоения славянами Волго-Окского междуречья. Именно благодаря славянскому расселению в Восточной Европе Волжская система становится трансевропейской артерией.

По мнению В.В.Седова, «в IX—X вв. словене новгородские по Мологе достигают Ярославского Поволжья и продвигаются южнее, в глубь Волго-Окского междуречья» [11]. С IX в., т.е. со времени начала освоения славянами Волго-Окского междуречья, практически вся Волжская система включается как во внутренние древнерусские связи, так и в трансевропейские контакты. В своей книге В.В.Седов рассмотрел вопросы славянского заселения Северо-Востока и суммировал имеющиеся точки зрения. Однако, следует иметь в виду, что имело место не толь-

ко движение из Новгородчины в Залесскую землю, но и встречное в самых различных формах, в том числе и в градообразовании. Видимо, случайно В.Л.Янин и М.Х.Алешковский, формируя концепцию возникновения Новгорода, отмечали, что в создании этого ведущего центра Древней Руси участвовали наряду со словенами местные финно-угры, а также один из членов северной конфедерации племен — мерянский племенной союз. В названной выше работе В.В.Седов, используя в основном материалы погребальных комплексов, убедительно показал культурную близость Новгородской и Ростовской земель. Одной из общих черт является распространенность в обоих районах курганов с трупосожжениями на стороне. По заключению В.В.Седова, курганы словен новгородских с трупосожжениями на стороне доходили до устья реки Сити [12]. Аналогии имеются и для захоронений по обряду трупоположения с меридиональной ориентировкой, причем не только в Ярославском Поволжье, но и в Суздальском ополье [13]. То же можно сказать, правда в единичных случаях, и для сидячих погребений.

Однако, все-таки основной группой курганов Ярославского Поволжья, которые можно связывать со словенами новгородскими, являются те, в которых захоронения совершены по обряду сожжения на стороне. Они крайне бедны и невыразительны по набору инвентаря. Эти курганы имеют минимальные размеры по сравнению с остальными, основные находки в них — лепная керамика [14]. Такие курганы, по мнению И.И.Ляпушкина и В.В.Седова, и являлись характерными для словен новгородских в период с VIII по X в. [15].

Особняком стоит мнение М.В.Фехнер, которая усматривает в наличии курганов с сожжениями на стороне и на месте не этно-хронологические, а лишь сезонные причины разницы в обрядах. Однако большинство исследователей эту точку зрения, на мой взгляд вполне обоснованно, не принимают (И.И.Ляпушкин, В.В.Седов, Д.И.Блифельд и другие).

В.В.Седов, рассматривая вопрос о принадлежности новгородским словенам курганов с трупосожжениями на стороне в Суздальском ополье, пишет: «Собственно славянские вещи во владимирских курганах с сожжениями немногочисленны, что обусловлено погребальным ритуалом славян. Об освоении Ростово-Суздальской земли прежде всего новгородскими словенами определенно говорит распространенный здесь обычай обкладывать основания курганов камнями. Этот ритуал не был известен ни днепровским кривичам, ни вепсам, ни приладожской веси» [16].

Со второй частью заключения В.В.Седова я позволю себе не согласиться, ибо, как показывают исследования материалов Ярославских курганов, кольцевидные каменные кладки характерны не для славянских, а скандинавских погребений. Это впервые отметила М.В.Фехнер и более детально удалось обосновать впоследствии.

Итак, основным признаком наличия захоронений словен новгород-

ских в залесском крае остаются погребения в курганах по обряду сожжения на стороне. В X в. в Ярославских курганах тоже встречаются камни, но они являются уже составной частью финно-угорских «домиков мертвых» или их имитаций под курганными насыпями.

С итоговым заключением В.В.Седова, которое подтверждается и данными лингвистики (Г.Г.Мельниченко), в основном можно согласиться [17].

В.В.Седов отмечает: «Новгородские словене освоили левобережную часть Поволжья, а также осели по правую сторону Волги, на территории современных Ярославской и Ивановской областей. Можно предполагать, что в заселении Ярославского Поволжья приняли участие новгородцы из Белозерья» [18].

Некоторые корректировки в это положение вносят археологические данные. Еще А.А.Спицын заметил, что «Владимирские курганы массами расположены именно там, где в X—XII вв. жило русское население и существовали русские города» [19]. В IX же столетии славянские поселенцы оседают в уже обжитых местах — протогородских центрах (Тимерево, Сарское городище, Клещин), которые явились предтечей древнерусских городов (Ярославль, Ростов Великий, Переяславль-Залесский).

Такая смена, когда протогорода уступают свою роль городам, была широко распространена в Древней Руси. Имело место это явление и на Северо-Западе, это, например, такие пары как Рюриково городище — Новгород (Е.Н.Носов), городище у с.Городище — Белоозеро. Например, Е.Н.Носов по этому поводу пишет: «На одном из холмов, вниз по течению Волхова от Городища, среди поселков местной знати и была возведена новая крепость — Новый город, противостоявший княжескому городку на древнем торгово-ремесленном и военно-административном поселении в истоке Волхова. Эта новая крепость дала название и всем примыкавшим к ней поселениям. Итак, Городище являлось предшественником Новгорода как крепости» [20]. В этом тексте можно усмотреть нечто общее между Северо-Западной и Северо-Восточной Русью [21].

Одним из важнейших факторов в исторических процессах, протекавших на Северо-Западе и Северо-Востоке в эпоху раннего средневековья, было присутствие здесь выходцев из Скандинавии. Основными районами собственно присутствия скандинавов или вещей северного происхождения, поступивших в результате обмена и торговых связей, являются Новгород и его округа, Юго-Восточное Приладожье, Белозерье, Ярославское Поволжье, Суздальское Ополе [22].

Степень присутствия и роль скандинавов в различное время и на разных отрезках Балтийско-Волжского пути были неодинаковы. В Ладоге скандинавские вещи представлены с VIII в. Одним из основных компонентов местной культуры они продолжают оставаться и в IX—X вв. Тогда же существует, пожалуй, единственно достоверно целостный

норманский некрополь в урочище Плакун. Все это говорит о том, что в Ладоге скандинавы бывали не только в качестве торговцев или наемных воинов, но и постоянно жили, являясь определенным этническим компонентом ее многонационального населения. И поэтому вполне вероятно, что именно Ладога была позднее избрана «стольным городом» Рориком Ютландским, который по мнению А.Н.Кирпичникова был уже не столь вымышленным, а вполне реальным историческим лицом [23].

Выше по Волхову цельные скандинавские комплексы уже с IX в. известны на городище (Рюриково) близ Новгорода. Здесь также можно говорить не только о кратковременном присутствии скандинавов, но и постоянном их проживании среди славяно-финно-угорского населения на городище, являвшемся одним из опорных пунктов на Балтийско-Волжском пути. Этот тезис красноречиво подтверждают и новейшие исследования Е.Н.Носова.

В Новгороде находки скандинавских вещей встречены в слоях X—XI вв. Судя по письменным источникам и археологическим данным, северная столица Руси Новгород был хорошо известен скандинавам и не такой уж редкостью были поездки в этот город. Несомненно, что и в составе постоянных местных жителей была определенная доля скандинавов. Однако, археологические материалы позволили М.В.Седовой прийти к следующему заключению: «...Отдельные скандинавы оседали в Новгороде... роль норманнов не была значительной, и к XII в. скандинавские культурные элементы уже не прослеживаются археологами» [24]. Такой вывод, видимо, обусловлен тем, что в Новгороде культурные слои известны в основном лишь с X столетия.

Заметные следы скандинавского присутствия известны в Приладожье. Об этом пишет в своих работах Н.В.Тухтина, В.А.Назаренко. С.И.Кочуркина отмечает, что «вероятно, с норманнами в Приладожье проникали и другие группы населения, поэтому «чистых» норманских комплексов в Приладожье немного; по-видимому, к X—XI вв. их уже и не могло быть» [25].

Таким образом, во всех ключевых пунктах северной части Балтийско-Волжской системы — в Ладоге, Новгороде, Приладожье — ясно фиксируется наличие определенного количества скандинавских элементов в IX—XI вв.

Белоозеро — следующий после Приладожья район, где известны скандинавские находки или вещи северного круга. Однако, они не составляют устойчивых скандинавских комплексов [26]. Видимо, в отличие от Ладоги и Юго-Восточного Приладожья в Белоозерье скандинавы постоянно не проживали. И этот район был транзитным в дальней торговле по Балтийско-Волжскому пути. В Ярославском Поволжье и Суздальском Ополе обнаружены скандинавские погребальные комплексы, найдены многочисленные вещи северного происхождения, попавшие в эти области как вместе с их владельцами, так и путем торговли. Скандинавы появляются в Верхнем Поволжье в IX в. в составе многоэтни-

ческой волны населения (костяк которого — словене новгородские), осваивавшего Северо-Восток в эпоху раннего средневековья.

Присутствие скандинавов в торгово-ремесленных центрах Балтийско-Волжского пути по погребальным комплексам и другим находкам можно отметить лишь на территории Древней Руси от Ладоги до Суздаля. Это еще раз подтверждает тезис об общей исторической судьбе в рассматриваемое время Северо-Запада и Северо-Востока.

В.П.Даркевич отмечает: «... сходные исторические процессы на Руси и в Скандинавии... создали условия для этнокультурного синтеза, для взаимопроникновения таких социально значимых элементов культуры знати обоих регионов, как погребальный обряд, вооружение, одежда и пр.» [27].

Аналогичные сходные явления можно с уверенностью отмечать и собственно внутри Руси для Новгородской и Ростовской земель. Одним из элементов древнерусской и скандинавской культур, выявленном в самые последние годы, являются граффити на восточных монетах. На сегодняшний день они обнаружены в кладах Петергофском, Свирьстрой, Новгородском, Ериловском, Васьковском — на Северо-Западе; Тимеревском и Угодичском — на Северо-Востоке [28]. Виды граффити самые разнообразные — надпись Захариас (Петергоф); знак Святослава — трезубец, изображение ножа (Свирьстрой); восточные надписи (Новгород, Тимерево); скандинавские руны и среди них надпись «Бог» (Тимерево). Так или иначе это явление является составной частью культуры обширного региона, кому бы в этническом плане не принадлежали собственно граффити. Вообще большинство монет с граффити обнаружены в кладах, которые отражают всплески активности на Балтийско-Волжском пути. Несомненно, что часть граффити связана с торговыми расчетами при купле-продаже, дележе серебра между членами военной дружины или торгового сообщества.

Характерной чертой как для Новгородчины, так и для Верхнего Поволжья являются клады восточных монет, зарытые в землю в основном в IX—X вв. Они есть и в Ладоге, и в Новгороде, и в Тимерево, и на Сарском городище. Здесь важен не сам факт наличия дирхемов, а то, что эти сокровища оказались зарытыми в землю в важнейших центрах Балтийско-Волжского пути. В их культурных слоях встречены также многочисленные предметы восточного импорта (глиняные сосуды, бусы из сердолика и горного хрусталя, украшения из бронзы).

Все сказанное говорит о том, что в эпоху раннего средневековья между Новгородской и Ростовской землями имелось определенное экономическое и культурное единство, которое во многом было обусловлено тем, что их связывал Балтийско-Волжский путь. А он имел не только трансъевропейское, но и внутридревнерусское значение.

1. Тихомиров И.А. Славянское заселение Ярославской губернии // Труды историко-археологического съезда в Костроме. Кострома, 1914. С. 135.
2. Спицын А.А. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 167.
3. Станкевич Я.В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. // МИА. 1941. № 6. С. 83.
4. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА. 1961. № 94. С. 185.
5. Третьяков П.Н. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Ярославль, 1939. С. 51.
6. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., Л., 1966. С. 290.
7. Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности // МИА. 1970. № 179. С. 122—141.
8. Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.
9. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование Древнерусского государства. М., 1951. С. 180.
10. Кушкин В.А. Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII вв. // История СССР. 1969. № 2. С. 64.
11. Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С.170.
12. Там же. Карта 27.
13. Там же. Карта 28.
14. Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 132.
15. Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. 1968. № 152. С. 112—113; Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. ... С. 170.
16. Седов В.В. Восточные славяне... С. 189.
17. Мельниченко Г.Г. К вопросу об этническом составе русского населения на территории Владимиро-Суздальского княжества XII — начала XIII в. (на материалах современных говоров) // Вопросы языкознания. 1970. № 5. С. 40.
18. Седов В.В. Восточные славяне... С. 195.
19. Спицын А.А. Владимирские курганы... С. 165.
20. Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С.191.
21. Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990. С. 6—27.
22. Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 181. Рис. 54.
23. Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. (Славно-русские древности). Вып. I. Л., 1988. С. 38—79.
24. Седова М.В. Скандинавские древности из раскопок в Новгороде // VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Тез.докл. Ч. I. Петрозаводск, 1979. С. 181.
25. Кочуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973. С. 59, 60.
26. Голубева Л.А. Волжский путь и финская периферия // VIII Всесоюзная конференция... С. 136, 137.
27. Даркевич В.П. Международные связи // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 392.
28. Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах // Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.